

4 октября 1999 года, где-то недалеко от Нью-Йорка, Соединенные Штаты Америки.

Он был жив.

Это было удивительнее всего, ведь он готов был поклясться всем, что знает, что в последние минуты в него трижды ударила молния и одновременно его утопила приливная волна. Добавь сюда взрыв машины...

Черноволосый парень скорчил гримасу и попытался пропустить волосок в вышеупомянутую прическу, почти сразу поняв, что ему придется дать им отрасти... много... прежде чем они достигнут хоть какой-то близкой к должной длины. И, наблюдая за своим появлением в этом появившемся из ниоткуда озере, семилетний мальчик также понял, что, скорее всего, сначала ему придется их подстричь. То, что было у него на голове, представляло собой волосатую штуку, наполовину обгоревшую, наполовину... ну, он не знал, есть ли подходящее слово, чтобы описать это.

При всем при этом его внешний вид оставался на удивление здоровым. Конечно, он выглядит так, будто у него с головы до ног сплошные солнечные ожоги, его одежда была настолько рваной, что внушала бы отвращение нищему, а несколько ран на руках, скорее всего, собирались зарубцеваться.

Но, учитывая жестокость нападения... а это было нападение, он досконально знал.

Что-то в его душе проснулось. Что-то, что держали в спящем состоянии семь лет любящей матери и столько же лет обычной жизни, заставило разблокировать старые воспоминания. Потому что это был первый раз, когда небеса разгневались на него и разразились своим громом, чтобы оборвать его жизнь.

"Почему?" - спокойно спросил зеленоглазый мальчик тоном, который удивил бы любого свидетеля, ведь любой в такой ситуации, скорее всего, заплакал бы или закричал. "Это не могут быть мои попытки дважды поиграть с моим гидрокинезом... Я остановился, когда она попросила. Это не может быть что-то, что я делал в этой машине..."

Даже холодные зеленые глаза, вибрирующие энергией, гораздо более древней, чем та, которой должен обладать любой семилетний ребенок, не осмеливались больше нескольких секунд смотреть на огромный кратер, в котором лежали брошенные обломки автомобиля.

"Это был не я. Это никогда не было связано со мной. Это то, что я представляю". Окунув руку в миниатюрное озеро, юноша улыбнулся, когда секунда за секундой раны, погруженные в жидкость, затягивались с ускоренной скоростью. Вскоре даже вызванный молнией солнечный ожог исчез, словно его и не было. Зная, что это лекарство, решение было очевидным, и, кроме того, ему не грозило стать более мокрым или менее презентабельным. Через десять минут или около того он угадал, и все более-менее зажило.

"По крайней мере, это подтверждает мою теорию. Молния пыталась меня убить, а вода защитила и исцелила. Так что я могу только сделать вывод, что это грандиозное состязание между богами... Молния против воды".

Далеко над его головой раздаются раскаты грома, словно пытаюсь заранее пригрозить ему.

"Дело не в Персее Джексоне", - улыбнулся зеленоглазый мальчик. "Речь идет о том, символом чего являюсь я. Ты добился своего и убил мою мать. Забирай свою молнию и уходи".

Его "предложение" не вызвало восторга, если судить по темным тучам, вызванным прямо над ним. Конечно, в этот момент вода снова взмыла ввысь, образовав настоящую стену воды и защитив его голубой цитаделью.

На несколько ударов сердца возникло противостояние. А потом облака исчезли, словно их здесь никогда и не было. Вода тоже начала отступать. Озеро постепенно исчезало, уменьшаясь до размеров пруда, а в лучшем случае превращаясь в большую лужу. Снова стало видно ночное небо, безоблачное, словно все события последнего часа были лишь сном.

Но он был один.

Один, машина превратилась в руины, а его мать была мертва, потому что они попали в поединок двух богов, а люди без выносливости и особых способностей были слишком хрупкими, чтобы пережить такое внимание.

"Мама..."

Ему не следовало так злиться.

В конце концов, старый Кайрос Теодосиан, его прошлое "я", возглавил переворот против собственного отца и убил его. А его ближайшему родственнику мужского пола после этого, кузену Дориану, пришлось бежать из своего королевства и стать Изгнанным принцем, если он хотел сохранить голову на плечах. Бывший Тиран не был подростком, чьи семейные принципы пролегли очень глубоко.

Но это была его древняя жизнь. В ней, в этом самом теле, у него была любящая мать, и она была его миром.

Теперь ее не было, она исчезла в молнии и ярости.

"А говорят, что молния никогда не бьет в одно и то же место дважды..." Конечно, молнии обычно не настолько сильны, чтобы уничтожать машины и оставлять огромные кратеры, как это делают только демоны и массивные колдовские заклинания, нацеленные на уничтожение всего и всех. "Что же мне теперь делать?"

Молодая часть его души, испуганная часть, призывала его бежать. Он, Персей Джексон, ничего не мог сделать против такой силы. Если бы не очередное божественное вмешательство в противовес первому, он тоже был бы мертв.

И если честно, это был разумный выбор, здравый выбор... если, конечно, бегство было возможным.

Скорее всего, это было не так. У этого мира, похоже, не было официальных Имен и истории, но бывший тиран чувствовал пульс чего-то значительного. Даже если речь не шла о жизни Персея Джексона как таковой, ни один уважающий себя бог не стал бы тратить время на то, чтобы разнести в клочья кого-то действительно неважного. Гидрокинез и исцеление водой были подсказками, которые нельзя было пропустить. Его новая душа не разбиралась в местной мифологии, но существовала большая вероятность того, что он как-то связан с водным божеством.

Это... это было личное. Кто-то убил его мать и изо всех сил пытался убить и его.

И хотя Кайрос не думал, что в его жилах течет кровь Каллована в любой момент его двух существований... на этот раз он действительно понимал, что такое месть.

Это будет не сегодня. Нормальный или не очень, но ни один семилетний ребенок не мог пойти против небес и победить.

Но это должно было произойти.

"Клянусь всем, что я потерял", - произнесли вместе воспоминания старой и новой души, слившись в бурных эмоциях потери, жажды возмездия и ярости против теперь уже пустых от грома небес. "Я, Персей Джексон, отомщу, и неважно, выступят ли против меня боги, демоны или все армии этого проклятого мира".

Ни слова не было сказано, когда молодой полубог начал уходить с дороги, шагая без оглядки на запад.

Через несколько минут первое из трех существ, принявших облик старушек, сидящих в креслах-качалках, заговорило.

"Мальчик бросил вызов Судьбе".

А что это была за Судьба - или Судьбы, во множественном числе, - осталось невысказанным.

"Судьба разгадывается", - согласилась вторая. "И без того было сложно исследовать все будущее с нелепым проклятием Аида, наложенным на Оракула, а теперь все становится еще хуже".

"А не следует ли возложить вину туда, где ей самое место?" - спрашивает третий. "Судьба мальчика была жестоко изменена не по его вине. Это..."

"Что-то... опасное... пробудилось в Персее Джексоне", - заявила Клото, Судьба Рождения. "Когда я наблюдала за ним, это было похоже на то, как опасная змея берет верх. Действия Олимпа не расстраивают наши нити. А вот этот мальчик - да".

"Сестра, если Владыка Олимпа решит обратить в прах смертных родителей многих полубогов, - запротестовала Лахесис, Судьба Жизни, - их собственные судьбы тоже пойдут под откос. Или ты ожидаешь, что они отправятся в Новый Византий и забудут обо всем, что произошло? Вдобавок к этой реальности, думаю, нельзя забывать, что у нашего отца есть привычка убивать женщин и детей, которые могут стать источником опасности для его трона, какой бы незначительной или маловероятной она ни была."

"Это не забыто", - успокоила двух своих сестер Атропос, Судьба Смерти. "Но мы не хранительницы справедливости Олимпа. Мы - Судьба. Мы контролируем и манипулируем жизненными нитями каждого живого существа, и Персей Джексон не будет играть ту роль, которую мы ему предназначили. А если он не сыграет свою роль, то для него не будет места в великом гобелене судьбы".

Золотисто-серебряные ножницы, сияющие божественной силой, были взяты в одну руку и приблизились к электрической голубой пряже.

И тут произошло нечто небывалое, невозможное.

Ножницы не смогли перерезать нить жизни полубога.